

То участь всех: живущее умрет
И сквозь природу в вечность перейдет.

У. Шекспир. Гамлет

Приветствуем тебя, бразильский брат!
Есть место за столом — лучом, блеснувшим
с севера, летит улыбка, сокращая
расстоянья!

У. Уитмен.

Рождественское поздравление

1. ПЛЯЖ

Черное — оттенок коричневого. Как и белое, если приглядеться. На Копакабана, самом демократичном, многолюдном и опасном пляже Рио-де-Жанейро, все краски сливаются в один ликующий цвет ошеломленной солнцем человеческой плоти, покрывающей песок вторым, живым слоем кожи.

Много лет назад, когда в далекой Бразилии правили военные, спустя несколько дней после Рождества Тристан вышел из моря, ослепленный солью океанских волн за отмелью и полуденным сиянием пляжа; тела людей дымились на песке. Лучи декабрьского солнца с такой силой обрушивались на землю, что над линией прибоя то и дело возникали кольца радуг, которые сверкали над головой юноши, подобно резвящимся духам. Возвращаясь к поношенной футболке — она же служила ему полотенцем, — Тристан, несмотря на резь в глазах, заметил белокожую девушку в открытом купальнике, стоявшую там, где толпа загорающих редела. За ее спиной виднелись волейбольные площадки, пешеходная дорожка авениды Атлантика, вымощенная волнистой мозаикой черно-белых полос.

Она была с другой девушкой. Та, пониже ростом и по-смуглее, смазывала подругу кремом; от холодного прикосновения белокожая девушка выгибала спину, поднимая в такт движениям подруги грудь и округлые лоснящиеся ягодицы. У Тристана щипало глаза, но привлекла

его не белизна девичьей кожи. На знаменитый пляж приходило много чрезвычайно белых иностранок из Канады и Дании, а также бразильских женщин немецкого и ирландского происхождения из Сан-Паулу и с юга страны. Его привлекла не белизна, а необычный цвет купальника, который сливался с ее кожей, создавая вызывающее впечатление полной публичной наготы.

Впрочем, не совсем полной: на девушке была черная соломенная шляпка с плоской тульей, загнутыми кверху полями и блестящей черной ленточкой. Именно такую шляпку, подумалось Тристану, девушка высшего света из Леблona наденет на похороны своего отца.

— Ангел или шлюха? — спросил он своего единородного брата Эвклида.

У Эвклида было плохое зрение, и он часто пытался скрыть свою близорукость за философскими рассуждениями.

— Разве девушка не может быть и тем и другим? — спросил он.

— Какая куколка, она создана для меня, — внезапно произнес Тристан, повинувшись импульсу, пришедшему из самых глубин его существа, оттуда, где картина его судьбы складывалась из торопливых, неуклюжих мазков кисти, одним движением замазывающей целые фрагменты его жизни.

Он верил в духов и судьбу. Ему исполнилось девятнадцать, и он не был беспризорником, поскольку жива была мать, но мать его торговала своим телом, хуже того, напившись, она спала с мужчинами и бесплатно, плодя детей, как головастиков, в человеческом болоте беспамятства и случайной страсти. Эвклид был младше на год, но оба знали о своих отцах лишь то, что они у них разные, о чем свидетельствовали очевидные генетические различия в облике братьев. Они учились в школе ровно столько, чтобы научиться читать вывески

и рекламы, а промышляли на пару, занимаясь воровством и грабежами, когда голод становился невыносимым. Они одинаково боялись и военной полиции, и банд, стремившихся поглотить их. Уличные банды состояли из детей, безжалостных и безгрешных, как волки. Рио в те годы еще не был столь оживленным, нищим и преступным, как сейчас, но тогдашним его жителям казалось, что город кишит машинами, ворами и негодьями. С недавних пор у Тристана появилось чувство, что он перерос воровской мир и должен искать путь наверх, в мир рекламы, телевидения и самолетов. Теперь духи уверили его, что та белокожая девушка и есть предданный ему путь наверх.

Сжимая в руке мокрую, облепленную песком футболку, он пошел по полуголому людскому лежбищу к девушке, которая замерла, как дичь, почуявшая охотника. Его выцветшую оранжевую футболку украшала надпись «Одинокая звезда» — название ресторана для америкашек в Леблоне. В потайном кармашке внутри черных шорт, настолько тесных, что под ними весомо проступали половые органы, он хранил лезвие бритвы в чехле, который сам аккуратно вырезал из толстого обреза кожи. Бритву он называл «Бриллиант». Синие вьетнамки Тристан спрятал под колючим кустиком у края тротуара.

Он вспомнил, что у него есть еще кое-что: кольцо медного цвета с буквами «ДАР» на маленькой овальной печатке, сорванное с пальца старой американки; надпись эта бесконечно изумляла его, потому что означала «дарить». Теперь он решил отдать кольцо белокожей красавице, которая гордо, всем своим телом источала страх и вызов при его приближении. Хотя издалека девушка выглядела высокой, Тристан оказался на ладонь выше. Запах ее кожи — то ли крема, то ли пота, выступившего от удивления и страха, — напомнил ему болотный смрад, исходивший от матери, слабый аптечный

запах, который он запомнил с той поры, когда в раннем детстве страдал от глистов или болел малярией. В те дни пьянство еще не разрушило организм матери, и во мраке хижины, лишенной окон, она еще оставалась источником милосердия и теплой, настойчивой заботы. Она, наверное, выпросила лекарство у доктора из миссии у подножия холма, по ту сторону троллейбусной линии, где начинались дома богачей. Тогда его мать сама была еще совсем девочкой, с телом почти столь же упругим, как и у этой, хотя и не таким стройным, а Тристан был уменьшенной копией самого себя — его пухлые ручки и ножки походили на поднимающуюся опару, а глаза сверкали черными пузырьками. Но он не мог помнить этого, не мог видеть себя в тот момент, когда этот еле уловимый аптечный запах запечатлелся в его памяти, словно долгий плач во сне. Теперь же соленый морской ветер коснулся тела этой светловолосой куколки и разбудил Тристана под ярким полуденным солнцем.

Пальцы его сморщились от морской воды, и кольцо не поддавалось, когда он начал стаскивать его с мизинца. Старая американка с кудрявыми седыми волосами носила его на другой руке, там, где носят обручальное кольцо. Он настиг ее под разбитым уличным фонарем в Синеландии, когда муж ее погрузился в изучение фотографий мулаток-танцовщиц с рекламы находившегося за углом ночного клуба. Тристан приставил лезвие бритвы к ее щеке, и она обмякла, как шляха, эта старая седая американка, так испугавшаяся царапины на своем морщинистом лице, хотя от могилы ее отделяло всего два-три года. Пока Эвклид резал ремешок сумочки, Тристан стаскивал медное кольцо, и их пальцы сплелись, как у любовников. Теперь же он протягивал кольцо незнакомой девушке. В ее лице под черной шляпкой было что-то обезьянье — его нижняя часть с крепкими зубами слегка выдавалась вперед и, казалось, улыба-

лась, хотя на губах улыбки не было. А губы у нее были полные, особенно верхняя.

— Могу ли я преподнести вам этот скромный подарок, сеньорита?

— Что побудило вас к этому, сеньор? — За столь вежливым обращением тоже чудилась улыбка, хотя момент был напряженный, и подружка девушки, сидевшая на корточках, явно испугалась и прикрыла рукой груди в лифчике, будто эти сокровища могут украсть. Но два смуглых мешка жира есть два смуглых мешка жира, не более того, так что Тристан даже взглядом не повел в ее сторону.

— Вы красивы и не стыдитесь своей красоты, а такое встречается редко.

— Стыдиться несовременно.

— Но многие представительницы вашего пола стыдятся до сих пор. Как ваша подруга, например, — она же прикрыла свои буфера.

Глаза другой девушки сверкнули, но она взглянула на Эвклида, и ее возмущение тут же угасло; она захихикала. Тристан почувствовал легкое отвращение, услышав заговорщицкий смешок пленницы. Его воинственный дух всегда тревожило женское стремление к капитуляции. Эвклид подошел на полшага ближе, как бы занимая сданную территорию. У него было хмурое широкое лицо цвета темной глины, безжалостное и озадаченное. Его отец, наверное, был метисом, а в жилах Тристана текла самая чистая африканская кровь, которую только можно найти в Бразилии.

Сверкающая белая девушка держалась гордо.

— Красивой быть опасно, именно поэтому женщины научились стыдиться, — заявила она Тристану, вздернув подбородок.

— С моей стороны вам ничто не угрожает, клянусь. Я не причиню вам вреда.

Клятва прозвучала торжественно, юноша попытался придать своему голосу мужской тембр. Девушка изуча-

ла его: в округлых негритянских чертах его лица не было и следа обжорства, выпуклые глаза по-детски блестели, надбровные дуги возвышались таким крепостным валом, завитушки черных волос едва заметно отсвечивали медью, в белом сиянии солнца некоторые волоски словно горели красным пламенем. В его лице чувствовались фанатизм и отрешенность, но, как он и говорил, для нее он не был опасен.

Она проворно протянула руку и коснулась кольца. «Дар», — прочла она и игриво напрягла бледную кисть, чтобы Тристан надел кольцо на палец. Безымянный палец девушки — именно так носила кольцо американка — оказался слишком тонок, кольцо держалось только на среднем. Она подняла его перед собой так, чтобы печатка сверкнула на солнце, и спросила у подруги:

— Тебе нравится, Эудошия?

Эудошия была в ужасе от нового знакомства.

— Отдай его, Изабель! Это плохие уличные мальчишки. Оно наверняка краденое.

Эвклид посмотрел на Эудошию прищурившись, будто вглядываясь в ее встревоженное выразительное лицо и темную, цвета терракоты, кожу, такую же, как и его собственная, и сказал:

— Весь мир состоит из краденого. Вся собственность — воровство, и те, кто украл большую часть, пишут законы для остальных.

— Они хорошие ребята, — успокоила Изабель спутницу. — Чем это нам повредит, если мы позволим им полежать рядом с нами на солнце и поговорить? Нам же с тобой скучно вдвоем. У нас нечего украсть, кроме полотенец и одежды. Они могут рассказать нам о своей жизни. А могут и наврать — это тоже интересно.

Так уж получилось, что Тристан и Эвклид почти ничего не говорили о своей жизни, которой они стыдились. Мать — шлюха, а не мать, дом — не дом. У них не было жизни, одна непрерывная суета и беготня в поисках про-

питания. Девушки же, будто разговаривая только друг с другом, выставляли напоказ свою роскошную легкомысленную жизнь, словно демонстрировали шелковое нижнее белье. Они описывали монашек из школы, в которой учились вместе, — те настолько походили на мужчин, что у них даже усы росли. Они говорили о тех, кого молва считала лесбиянками, живущими в причудливом браке, — одни из них были «петухами», другие «курочками»; они говорили о тех, что пытались свратить учениц, из любви собачками бегали за священниками, что платили садовникам, чтобы те с ними переспали; о монашках, которые увешивали стены своих келлий портретами папы римского и мастурбировали, глядя на его встревоженное, с кисло поджатыми губами лицо. Они словно читали книгу, книгу секса, словесные кружева, сплетенные ловкими пальцами усевшихся в круг девушек, и их хихиканье посверкивало в этом словесном узоре, как серебряная нить на полотне. Тристан и Эвклид выросли в мире, где секс был заурядным товаром, как бобы или фаринья¹, который стоит не больше нескольких измятых крузейро, брошенных на деревянный стол, покрытый винными пятнами; они потеряли невинность, не достигнув и тринадцати лет, и в неловком молчании зачарованно слушали, как девушки развивали, веселясь до слез, свои фантастические предположения.

Рассказывая о монастырской школе, они упомянули о запретном радиоприемнике, конфискованном одной из монахинь, и это дало Тристану возможность показать свое знание самбы и шору, босановы — новых музыкальных стилей, созданных звездами бразильской эстрады — Каэтану, Жиля, Шику. Они заговорили об электронном рае, сиявшем высоко над их головами, где

¹ Фаринья — мука. (Здесь и далее примечания переводчика, кроме особо оговоренных.)

певцы и киноактеры, звезды футбола и сверхбогачи проплывали обсыпанными блестками ангелами, — этот мир словно спустился на землю и объединил их. Искры любви и ненависти, максималистские юношеские заявления перелетали от одного к другому, уравнивая всех и бесконечной удаленностью от этого рая, и тем, что все они имеют одинаковые тела с четырьмя конечностями, двумя глазами и одной кожей. Подобно набожным крестьянам Старого Света, каждый из них верил, что этот рай, на невидимых волнах посылавший им вести о себе, обращал свой улыбающийся благостный лик персонально к нему, как и недостижимый купол небес, что высится над каждым обращенным вверх взглядом.

Раскаленный песок жарил снизу; властное бессилие постепенно пригасило их разговор. Когда Эвклид и Эудошия, поколебавшись, дружно встали и пошли к воде, над оставшейся парой нависло напряженное молчание. Рука Изабель, на которой блестело краденое кольцо, прикоснулась к темной, цвета полированного серебра, ладони Тристана.

— Ты хочешь пойти со мной?

— Да, куда угодно, — ответил Тристан.

— Тогда пошли.

— Прямо сейчас?

— Сейчас самое время, — сказала она серьезно и задумчиво, встретив его взгляд серо-голубыми глазами и поджав пухлую верхнюю губу. — Для нас.

2. КВАРТИРА

Свое полупрозрачное пляжное платье цвета маракуйи Изабель надевать не стала, решив уйти с пляжа в купальнике и сандалиях с белыми ремешками из тонкой кожи. Они пошли по знаменитому тротуару авениды Атлантика с черно-белыми извивающимися полосами мостовой. Она свернула платье и полотенце, держа их на руке так, что в конце концов какой-то прохожий заглянул в этот яркий сверток, надеясь увидеть личико младенца. Черная, будто выкрашенная соком плодов женипапу соломенная шляпка девушки плыла впереди Тристана летающей тарелкой, распустив по ветру черную шляпную ленточку. Изабель шла неожиданно быстрой спортивной походкой, и Тристану пришлось догонять ее вприпрыжку. Из чувства приличия он натянул грязную футболку с надписью «Одинокая звезда» — названием ресторана для гринго — и звонко зашлепал по мостовой поношенными синими вьетнамками.

Рослая белокожая девушка, которую длинные ноги делали еще стройнее, шагала вперед со слепой решимостью лунатика, как будто малейшее сомнение могло остановить ее. Она пошла на юг, к форту, потом повернула направо, к Ипанеме — то ли на авениду Ранья Элизабет, то ли на руа Жуакима Набку, — Тристан был настолько растерян и напуган, что не заметил, куда именно они свернули. Здесь, под сенью высотных домов и деревьев, среди магазинов, ресторанов и зеркальных фа-

садов банковских зданий со швейцарами и стоящей на-вытяжку охраной, едва прикрытая нагота девушки мерцала призрачным светом и привлекала еще больше взглядов. Тристан старался на всякий случай держаться поближе к ней, но девушка была отрешена и неприступна, ее ладонь стала холодной как лед, и Тристан почувствовал себя неуклюжим чужаком. В мире шикарных домов и охраняемых улиц вожак был она. Под бордовым навесом с номером девушка свернула в темный вестибюль, консьерж-японец за высокой черной с зелеными прожилками мраморной конторкой удивленно захлопал ресницами, но вручил ей маленький ключ и нажал кнопку, открывшую внутреннюю стеклянную дверь. Проходя через порог, Тристан чувствовал себя так, будто его просвечивают рентгеном. У него зачесалось в паху, там, где хранилось лезвие бритвы, а член в тесных влажных шортах скукожился до размера орешка кешью.

Серебристые металлические двери лифта украшали треугольные пластины, похожие на узорчатую ткань. Лифт скользнул вверх, словно клинок из ножен. Затем они прошли по короткому коридору с обоями в полоску того же сочного цвета, что и ее платье, но более мягкого оттенка, и остановились перед навощенной до блеска дверью красного дерева, собранной из множества рельефных панелей. Девушка повернула маленький, не больше его бритвы, ключ, и дверь открылась. За порогом царил тишина роскошной обстановки. Повсюду вазы, ковры, подушки с бахромой. С полок глядят тисненые золотом корешки книг. Тристану еще не доводилось бывать в подобных местах, он почувствовал, как его дыхание и движения теряют прежнюю легкость.

— Чей это дом?

— Моего дяди Донасиану, — ответила девушка. — Не бойся, тебе не придется с ним встречаться, он весь день на работе, в центре. Или играет в гольф и вышива-

ет с друзьями. Собственно, в этом и заключается его работа. Я велю служанке принести что-нибудь выпить и нам. А может, тебе хочется есть?

— О нет, сеньорита, я не голоден. Стакана воды или немного суко¹ будет достаточно.

Тристан огляделся, и у него пересохло во рту. Сколько же всего отсюда можно украсть! За один только серебряный портсигар или два хрустальных подсвечника они с Эвклидом выручили бы столько, что хватило бы на целый месяц. А вот за картины с квадратами, кругами и свирепыми яркими мазками вряд ли дадут много: если они кому и были дороги, так это автору, да и то лишь в момент, когда он их творил. Зато книги сверкают золотым тиснением. Тристан изумленно оглядел ряды книжных полок, уходящие под потолок на высоту пальмы. Вдоль двух стен комнату опоясывали антресоли, а потолок представлял собой купол из стеклянных розовых лепестков с морозным узором, из вершины которого на столь же длинной, как у церковного светильника, цепи свисала громадная люстра с изгибающимися рогами медными буквами «S». Для Тристана слово «дом» означало лишенное солнца темное логово хижины. Здесь же было столько света, что ему казалось, будто он стоит под открытым небом, в каком-нибудь укрытом от ветра месте. Сверкающая тишина приняла его.

— Мария! — ровным голосом позвала Изабель.

Пухленькая молодая служанка пришла не спеша, словно ей пришлось миновать анфиладу комнат, презрительно взглянула на Тристана, и в ее глубоко посаженных глазах мелькнул ужас. Покрытые оспинами щеки служанки казались припухшими, как это бывает у индианок, а может, ее просто недавно побили.

Причудливая смесь генов окрасила ее кожу в темный табачный цвет. Она наверняка прочла мысли Три-

¹ Суко — сок.

стана о воровстве и сочла себя выше этого. Как будто жить в богатом доме и щеголять в чистой одежде, выданной хозяевами, — это не то же самое воровство.

— Мария, — произнесла Изабель, стараясь, чтобы ее голос не прозвучал грубо или испуганно, — принеси два витаминных напитка — банановый или из авокадо, если еще есть. Это для меня. А моему другу... Принеси ему то же самое, что ты сама ела на обед. Его зовут Тристан. Хочешь сэндвич? — спросила она его.

— Клянусь, в этом нет необходимости, — возразил Тристан с великодушием, которое выдавали в нем высокий лоб, блестящие выпуклые глаза и отрешенное выражение лица.

Однако, когда на мозаичном столике появилось блюдо с подогретым акараже, поджаристыми шариками ватапы¹, креветками и перцем, он набросился на еду, как волк. Тристан давно научился подавлять чувство голода, но вид пищи сводил его с ума, и он ничего не оставил на блюде, буквально вылизав его. Девушка подвинула к нему свою тарелку. Он проглотил и эту порцию.

— Кофе? — спросила Мария, пришедшая убрать со стола. Она уже не так сильно источала ненависть, и Тристан ощутил в ее поведении легкие заговорщицкие нотки — так неуловимо отдает запахом масла денде пища, приготовленная на севере. Может, в странном доме девушки и ее дяди уже было что-то такое, чего служанка не одобряла. Как и многие люди из низов, она была готова к различным проделкам и переменам, ибо для них мир не представляет собой драгоценную реликвию, которую следует хранить вечно под стеклом.

— Да, принеси, пожалуйста, и оставь нас одних, — ответила Изабель.

¹ *Акараже, ватапа* — автор, по-видимому, имеет в виду блюдо из маниоковой муки с кусочками рыбы.

Она сняла шляпку; светлые, длинные, мерцающие волосы подчеркивали ее наготу, и Тристану снова ударил в глаза слепящий свет, как и тогда, на пляже, когда он вышел из моря.

— Я тебе нравлюсь? — спросила она, отводя глаза и краснея.

— Да, даже больше того.

— Ты думаешь, я вертихвостка? Дрянная девчонка?

— По-моему, ты богата, — ответил он, оглядывая комнату, — а богатство делает людей странными. Богатые делают что хотят и не знают цену вещам.

— Но я не богата, — возразила Изабель, и в голосе прозвучало недовольство и раздражение. — Мой дядя богат, отец тоже — он живет в Бразилиа, — но лично у меня нет ничего. Они держат меня как избалованную рабыню, чтобы после монастырской школы выдать за какого-нибудь паренька, который со временем вырастет таким же, как они, — лощеным, вежливым и равнодушным господином.

— А где твоя мать? Что она думает о твоём будущем?

— Моя мать умерла. Она хотела подарить мне младшего брата, а он запутался в пуповине по пути на свет божий и в предсмертных судорогах разорвал ее матку. По крайней мере, мне так сказали. Мне было четыре года, когда это случилось.

— Как печально, Изабель. — Хотя Тристан и слышал на пляже, что именно так Эудошия называла подругу, сам он еще не произносил ее имя вслух. — У тебя нет матери, а у меня нет отца.

— Где же твой отец?

Тристан пожал плечами:

— Может, умер. Пропал, во всяком случае. У матери было много мужчин, и она не уверена, от кого я родился. Мне девятнадцать, значит это произошло почти двадцать лет назад. Она много пьет и ни о чем не печалится.

И все же однажды мать достала ему нужное лекарство. Она кормила его грудью, выбирала вшей из кудрявой шевелюры, искала глистов в какашках.

— Мне еще только восемнадцать, — объявила Изабель, чтобы снова привлечь его внимание.

Он, улыбнувшись, осмелился дотронуться до ее сверкающих волос, похожих на ночные огни Рио, открывающиеся со склонов гор.

— Я рад этому. Мне бы не хотелось, чтобы ты была старше или богаче меня.

Она не убрала его руку, но на улыбку не ответила.

— Ты подарил мне кольцо. Теперь мне нужно подарить тебе что-нибудь в ответ.

— В этом нет необходимости.

— Подарок, который я имею в виду, станет подарком и для меня. Это время. Время моей жизни.

Она встала и, потянувшись к нему, прижалась губами к его губам, скорее обозначая поцелуй, как это делают в журналах и на экране телевизора, чем целуя настоящего. До этого момента жизнь ее состояла в изучении историй чужих людей, теперь она создавала свою собственную. Она повела его за собой к металлической винтовой лестнице, окрашенной в матово-розовый цвет, и начала подниматься на второй этаж. Изабель шла впереди по вьющейся лестнице, и тело ее распадалось на множество полосок плоти, разделенных треугольниками ступенек. Ведя пальцем по перилам, словно по воде, Изабель прошла по балкону как раз на уровне витой люстры и свернула в свою комнату, все еще наполненную девчоночьими плюшевыми зверюшками и увешанную плакатами с изображениями патлатых певцов из Англии. Тристан почувствовал, как ему стало легче дышать, словно здесь, в детской, ветер богатства бил в лицо не так свирепо. Изабель изогнулась в привычном небрежном танце, выполненном с полувопросительной, полувызывающей усмешкой на храброй обезьяньей мордаш-

ке, свела лопатки — и купальник исчез. Однако она не стала выглядеть более обнаженной, чем прежде. Ему никогда еще не доводилось видеть такую прозрачную и некудрявую поросль на женском лобке. Ее соски в бледно-коричневых ореолах набухли от соприкосновения с воздухом и от его взгляда.

— Нам нужно помыться, — решительно сказала она.

В мраморном кубе душевой множество кранов включали самые разные струйки — от букета тонких иголочек до хлестких жгутов воды, барабанивших с частотой учащенного пульса. Он стоял рядом с ней под водопадом постепенно теплеющих струй и мылил ее податливую шелковистую кожу, пока та не покрылась скользким белым жиром, потом она мылила его, и он чувствовал, как член его из орешка кешью превращается в банан, а потом и в налитой початок, который вот-вот разорвет от собственной тяжести. Она с серьезным видом мылила его там, наклонив овальную головку под струи воды, чтобы лучше разглядеть набухшие вены, багрово-черную кожу и одноглазую сердцевидную головку члена. Пока она изучала его, поток воды раздвинул ее волосы, и Тристан неожиданно увидел, что скальп у девушки розовый, а не белый, как ему представлялось. Выключив воду, она проговорила, все еще разглядывая его и проводя пальцем по одной из вен:

— Так вот он какой. Он уродлив, но безобиден — как жаба.

— Так ты еще ни разу?.. — спросил он смущенно, довольный тем, что почти мгновенно запахнулся пушистым, широким, как одеяло, полотенцем, которое она достала из шкафчика. Вся ванная была в зеркалах, и он увидел себя в них искромсанным на куски белого и черного. Лицо его, казалось, принадлежало суровому воину, которого одновременно фотографируют со всех сторон.

— Нет, ни разу. Это пугает тебя, Тристан?

Да, это его пугало, ибо поскольку она была девственницей, то совокупление с ней приобретало некий религиозный смысл, становясь разновидностью вечного преступления. Но кровь, неуправляемо пульсировавшая в початке под просторным, как халат, полотенцем, вела его следом за этим видением, которое шло перед ним, накинув полотенце, словно пончо, — так, что остались обнаженными упругие ягодицы. Когда девушка нагнулась у мраморного края ванны, чтобы подобрать с пола его черные плавки, белые ягодицы раздвинулись, и он с некоторой брезгливостью заметил полоску коричневой кожи несмываемого пятна вокруг анального отверстия.

Встряхнув его плавки, чтобы аккуратно сложить их, перед тем как повесить сушиться, она вдруг удивленно вскрикнула. Бритва в маленьком кармашке выскользнула из грубых ножен и порезала ей большой палец. Она показала ему колючку белой кожи и медленно набухающую рубиновую каплю. Это дурное предзнаменование тоже напугало его: он принесет ей страдания.

И все же, с гримасой боли облизывая палец и вытирая ранку уголком полотенца, она продолжала медленно идти к узкой девичьей кровати, покрытой светло-зеленым стеганым одеялом цвета накипи на глиняных кувшинах и ночных горшках, которые Тристан видел в фавеле, — полоску грязи, идущую вдоль самого края сосудов. Над медными прутьями изголовья висела маленькая лоснящаяся картинка, на которой Мадонна с нимбом, похожим на сдвинутую на затылок шляпку, держала на руках неестественно крупного и серьезного младенца Иисуса с неуклюже растопыренными толстенькими пальчиками. С серьезным и решительным видом Изабель сняла картину со стены и сунула ее под кровать. Когда она улеглась поверх одеяла, несколько зверюшек со стеклянными глазами упало на пол, и девушка быстро распахала их по полкам, стоявшим около кровати, — на радость ребенку выкрашенным в свое

время во все цвета радуги. Сделала она это быстро и ловко, а потом плюхнулась прямо на середину узкой кровати, так что лечь ему оставалось только на нее. Когда он послушно взобрался на Изабель, она уперлась в его грудь кончиками пальцев, будто хотела задержать, остановить на мгновение. Ее зрачки, словно сотканые из хрупких серо-голубых нитей, почти сердито смотрели в его глаза.

— Я не думала, что он будет таким большим, — призналась она.

— Нам не обязательно заниматься этим прямо сейчас. Мы можем просто обниматься, ласкать друг друга и разговаривать. Можно встретиться завтра.

— Нет. Если мы будем ждать, это никогда не случится. Наше время пришло.

— Мы можем встретиться снова завтра на пляже.

— Кураж пройдет. Вмешаются другие люди.

Неуверенно, не отрывая глаз от его лица, словно ожидая указаний, она раздвинула свои белые ноги.

— У тебя было много девушек? — спросила она.

Он кивнул, стыдясь того, что далеко не все они были девушками, что вначале были женщины вдвое старше его, пожилые пьяненькие подруги матери, которые потчевали его кусочками своего тела, словно кормили забавного поросенка.

— Тогда что ты мне посоветуешь?

Головка его члена, похожая на фиолетовое сердечко, вырванное из груди какого-нибудь кролика, покоилась на прозрачной поросли ее лобка. Обычно женщины брали его своей рукой и сами направляли внутрь. Эта же девушка неуклюже приподняла ягодицы и смотрела ему в глаза, прося совета. Она увидела, как потемнели белки его глаз, почти сливаясь с черными зрачками, и он снова заговорил низким мужским голосом:

— Я советую тебе расслабиться так, чтобы мое наслаждение и твое слились воедино. Это будет просто — в первый раз. Будет больно.

В его дыхании чувствовался острый аромат акараже.

Он провел рукой по ее промежности, нашел место, где липкие срамные губы начали расходиться, и направил туда свой член. Немного спустя, словно сомневаясь в правильности собственного совета, он спросил:

— Тебе больно?

Изабель окаменела под ним, пытаясь преодолеть инстинктивное сопротивление своей плоти. На бледной коже внезапно проступил теплый пот. Она кивнула, нервно дернув подбородком, как если бы никакая другая часть ее напряженного тела не осмеливалась пошевеливаться. Он и сам вспотел, встревоженный теснотой ее девственного лона. Трудно чувствовать себя любовником, а не избалованным поросенком, пожирающим помои. И все же он знал: за темной преградой, стоящей перед ними, их ожидает рай.

— Мне остановиться? Я могу выйти.

На сей раз ее подбородок яростно дернулся из стороны в сторону.

— Да делай же это, бога ради, — на всякий случай сказала она.

Он ринулся в темноту, и с каждым ударом в глазах его под сжатыми веками все больше краснело. Откуда-то из недр его существа, из-под того места, где гнездится голод, пытался пробиться через зажатый проход поток света. Тристан задышался, холодел, давление света усиливалось, и пятки его задрожали, когда он почувствовал, что свет вот-вот плеснет через край, и наконец свет сменился высокой, ошеломляющей дугой. Его судороги напугали девушку, и она забыла о своем теле. Нежно, с удивлением ее белые руки пробежали по изогнувшейся черной спине, пытаясь оплести паутиной шелковистых прикосновений ту огромную брешь, которую наслаждение Тристана пробило в ее упругих глубинах. Его дыхание успокоилось, голос вновь зазвучал разумно и сосредоточенно.

— Тебе было больно?

— Да. О боже. Все было именно так, как говорили монахини в школе. Как и должно быть во искупление грехопадения Евы.

Однако стоило ей почувствовать его благородное желание освободить девушку от своей плоти, как ее ноги и руки крепче обняли его.

— Милая Изабель, — вздохнул он, смущенный тем, что не может подобрать лучших слов и все еще стесняется называть ее по имени. Один героический подвиг еще не давал ему права держать себя на равных с этой красавицей-аристократкой. Когда же Изабель наконец позволила ему вынуть свой член, он был покрыт ее кровью, и она, похоже, сердилась на Тристана за то, что они испачкали светло-зеленое атласное одеяло.

— Мария увидит и расскажет дяде! — воскликнула она.

— Она шпионит за тобой?

— Они с дядей... Они друзья.

Вскочив с кровати, Изабель принесла из ванны влажную тряпку и принялась оттирать пятно. Из-за того что Тристан хотел прервать половой акт, пятно оказалось причудливой формы, напоминая очертаниями кубок с широким основанием, длинной ножкой и круглой объемистой чашей.

— Надо было подстелить полотенце, — сказал он, раздраженный тем, что она, судя по всему, винила его в своем кровотечении и теперь, после такого возвышенного мгновения, сразу же перешла к обыденности домашних забот.

Изабель услышала обиду в его голосе и попыталась умиротворить гордость Тристана; отвернувшись от кровати, она послушно вытерла покрасневшей тряпицей его уже уменьшившийся член, снова похожий на кешью. Девственная кровь побурела и растворилась в складках кожи цвета баклажана. Пафос дефлорации начал про-

ходить, боль у нее между ног усилилась, и она нетерпеливо сунула ему в руки мокрую тряпку.

— Давай, Тристан, ты тоже в этом участвовал.

Хотя Тристана и переполняла брезгливая гордость, свойственная даже самым бедным бразильским мужчинам, он взял тряпку, понимая состояние Изабель. У той голова шла кругом от собственной смелости, оттого, что она сделала нечто непоправимое. Непредсказуемое настроение женщин — та цена, которую мужчинам приходится платить за неземную красоту этих созданий и причиняемую им боль.

Когда Тристан вернулся из ванны, одетый во влажные плавки, Изабель все еще оставалась обнаженной, если не считать перстня с надписью «ДАР» и новой соломенной шляпки, такой же, как и прежняя, только клубничного цвета. На разноцветных полках, опоясывавших две стены ее комнаты, лежало множество веселых шляпок и целая сокровищница игрушек, подаренных дядей, которому хотелось навеки оставить ее маленькой девочкой.

Она вскинула голову и приняла позу стриптизерки, встав на цыпочки, выставив белые ягодицы и согнув одну ногу. Пальцы ног побелели от напряжения, а на внутренней поверхности бедра обнаружилась засохшая струйка крови. Как чудесно, думала она, стоять обнаженной перед мужчиной и не стыдиться этого.

— Я все еще нравлюсь тебе? — спросила она с трагической серьезностью, подняв на него глаза из-под полей дерзкой шляпки.

— У меня нет выбора, — сказал он. — Теперь ты моя.

3. ДЯДЯ ДОНАСИАНУ

— Нет, я так не думаю, дорогая, — сказал дядя Донасиану, величественно, подобно кинжалу в ножнах, покаясь в сером костюме, переливающимся алюминием под определенным углом. — Не думаю, что это находится в границах приличий, даже тех немногочисленных, которые еще остались в наш чересчур прогрессивный и легкомысленный век.

Прошел месяц. Мария рассказала своему хозяину о гостившем в доме юноше и о том, что Изабель постоянно пропадает на пляже — отсутствовала она долго, а загар у нее не появлялся, поэтому ходила она, скорее всего, не на пляж, а в кино или проводила время с парнем в отелях с почасовой платой. Разумеется, гуляет она не с Эудошией. Родители увезли Эудошию и трех ее братьев в Петрополис, чтобы спрятаться от летнего зноя в горах, где в свое время возвели дворец для дона Педру Второго — теперь Имперский музей, и где до сих пор разъезжали по узким улицам вдоль каналов в запряженных лошадьми экипажах, затем они отправятся на несколько недель в Нова-Фрибургу, где колония швейцарских иммигрантов когда-то построила родные их сердцу швейцарские шале. Там они будут ходить по горам, играть в теннис, кататься на лодках и лошадях, любоваться вечно цветущими растениями: когда Изабель была помоложе, она часто наслаждалась всем этим в обществе дяди и его жены, стройной и элегантной те-

ти Луны. Это было еще до того, как они, к несчастью, разошлись — развестись по закону было невозможно. Тетя Луна происходила из самой тонкой прослойки высшего света Сальвадора и теперь жила в Париже, откуда присылала Изабель к Рождеству шаль от Эрме или пояс от Шанель. Если кто-то и ассоциировался у Изабель с матерью, так это она. В Петрополисе к дяде с тетей изредка присоединялся и отец Изабель, урывая недельку от своих чиновничьих забот в Бразилиа. Как восхитительно было сидеть рядом с ним в ресторане великолепного отеля одетой строго и аккуратно, как настоящая женщина, когда накрахмаленное кружево декольте чуть трет кожу, а вдалеке, по ту сторону голубого озера, меж двух зеленых гор сверкает водопад, и водные лыжники оставляют на водной глади светло-голубые вьющиеся следы! Но все эти наслаждения принадлежат ее детству, маленькому, как улыбки на фотографиях.

— И какие же границы приличий существуют в Бразилии? — спросила она дядю. — Я считала, что в нашей стране каждый человек творит себя сам, независимо от цвета его кожи.

— Я говорю не о цвете кожи. В этом смысле я дальтоник, как и наша конституция, соответствующая национальному темпераменту, унаследованному нами от великодушных владельцев плантаций сахарного тростника. У нас, слава богу, не Южная Африка и не Соединенные Штаты. Но человек не может создать себя из ничего, для этого нужен материал.

— Который принадлежит очень немногим, то есть тем, у кого он был всегда, — заметила Изабель, нетерпеливо затягиваясь одной из дядиных британских сигарет.

Дядя Донасиану продул мундштук из черного дерева и слоновой кости — дядя пытался бросить курить и держал мундштук в зубах, чтобы облегчить процесс

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. Пляж	7
2. Квартира	15
3. Дядя Донасиану	27
4. Лачуга	36
5. Подсвечник	46
6. Сан-Паулу	51
7. Шикиньо	62
8. Ранчо	67
9. Бразилиа	76
10. Два брата	86
11. Завод	96
12. Автобусная станция	104
13. Кафе-мороженое	110
14. Под звездами	119
15. Гояс	124
16. Прииск	137
17. Самородок	149
18. Мату-Гросу	160
19. Нападение	171
20. Одни	174
21. Спасение	179
22. Становище	189
23. Столовая гора	196

24. Снова становище	210
25. Снова одни	221
26. Снова Мату-Гросу	230
27. Снова Бразилиа	238
28. Снова Сан-Паулу	251
29. Снова квартира	263
30. Снова пляж	274
Послесловие	284

Апдайк Дж.

А 76 Бразилия : роман / Джон Апдайк ; пер. с англ. А. Патрикеева. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. — 288 с. — (Азбука-классика).

ISBN 978-5-389-13596-3

«Бразилия» — роман о любви, откровенной, жаркой и безудержной, в которой все кажется возможным. Случайная встреча нищего цветного мальчишки и безупречной дочери известного политика ведет к невероятным приключениям, настоящей одиссее страсти, растянувшейся на двадцать лет. «Бразилия» — своеобразный эротический миф двадцатого столетия, отражение легенды о Тристане и Изольде в кривом зеркале желаний, расцветающих, подобно экзотическому цветку, в самом сердце Южно-Американского континента.

**УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44**

Литературно-художественное издание

ДЖОН АПДАЙК
БРАЗИЛИЯ

Ответственный редактор Кирилл Красник
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Татьяна Раткевич
Корректоры Анна Быстрова, Татьяна Бородулина
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 21.08.2017. Формат издания 75 × 100^{1/32}.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 12,69. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

18+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
119334, г. Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:
www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/



Y-VAK-21788-01-R